

Майдан в еврейском государстве

Как и почему акции протеста чуть не закончились штурмом Кнессета

Митинг протеста против соглашения о репарациях

В самом начале 1950-х годов Израиль раздирали жесточайшие споры о возможности налаживания отношений с «новой Германией». Полемика по этому вопросу без преувеличения расколола всё общество.

Когда думаешь о параллелях между нынешним Майданом в Киеве и историей Государства Израиль, события января 1952 года видятся во многом похожими: возмущенные противники властей, уверенные в своей не только политической, но и нравственной правоте, пытались штурмовать парламент страны.

Израилю все же удалось не скатиться к гражданской войне и сохранить свою государственность. Очень хочется верить, что это удастся и Украине, народу которого соперещивают сейчас миллионы людей во всем мире, в том числе и автор этих строк, многократно бывавший и в Киеве, и во Львове, любящий эти замечательные города и считающий себя искренним другом украинского народа, переживающего сейчас самый сложный период в истории своей государственности. Надеюсь, что для читателей «Хадашот» израильский опыт станет поводом задуматься о том, насколько важно в критический момент умение остановиться, увидеть в противнике человека и пойти на компромисс.

После Второй мировой войны ненависть к немцам и требование подвергнуть их бойкоту звучали в Израиле повсеместно. Автор статьи в газете «Едиот Ахронот» требовала не импортировать в Израиль «даже булавки, даже шнурка для ботинок, произведенных немцами», и предлагала: «Если в одной

из поездок — в поезде или на корабле мы встретим немца, мы должны плюнуть ему в лицо: это нельзя забывать». Редактор «Гаарец» Гершом Шокен предложил принять закон, запрещающий евреям всякий социальный контакт с немцами, в том числе и случайный, например, между туристами, живущими в одной гостинице за пределами Германии. Этот закон также должен был запретить гражданам Израиля посещать Германию. По словам иерусалимского историка Тома Сегева, «в первые месяцы существования Государства Израиль создавалось ощущение, что оно будет бойкотировать Германию навеки. Такова была инстинктивная политика. Большинство израильтян воспринимали этот бойкот как своего рода национальный долг евреев перед погибшими».

В этом контексте неудивительно, что решение начать прямые переговоры с ФРГ по вопросу о репарациях вызвало столь сильное неприятие в обществе. Ввиду деликатности темы все обсуждения в правительстве по поводу этих переговоров велись в обстановке строжайшей секретности. Наконец, 13 марта 1951 года министр иностранных дел Моше Шарет выступил с трибуны Кнессета и объявил: «Государство Израиль считает себя наследником миллионов погибших евреев, наделенным правом и обязанностью потребовать за них компенсацию, так как оно является единственным государственным образованием народа, за саму принадлежность к которому они были обречены на уничтожение».

Первая прямая (но неофициальная) встреча представителей израильского правительства с канцлером Германии Конрадом Аденауэром состоялась в Париже 19 апреля 1951 года. Израиль представляли генеральный директор Министерства финансов Давид Горовиц и израильский атташе в Париже Морис Фишер. В ходе встречи, которая в основном велась на повышенных тонах и была весьма напряженной, Аденауэр выразил готовность сделать все от него зависящее для того, чтобы правительство Германии выплатило компенсацию еврейскому народу и правительству Израиля за материальный ущерб, причиненный нацистами. Кроме того, канцлер обещал рассмотреть просьбу Горовица о том, чтобы Германия объявила о принятии на себя ответственности за преступления Третьего рейха.

Бен-Гурион придавал этому заявлению особое значение, опасаясь, что израильское общество придет в ярость, когда информация о прямых переговорах с Аденауэром станет достоянием гласности. Глава

правительства надеялся, что публичное выражение раскаяния со стороны лидеров ФРГ подготовит почву для такого сообщения. Члены израильской делегации также находились в очень непростом положении. В изданных спустя четверть века мемуарах Давид Горовиц так описывал свои чувства на встрече с канцлером Германии: «Для меня это было тяжелым переживанием. Общие претензии, бесконечное отвращение к деяниям нацистов смешивались в моей душе с личной скорбью о родственниках, погибших во Львове».

27 сентября 1951 года Аденауэр выступил с трибуны Бундестага, отметив, что «Федеральное правительство, а вместе с ним значительное большинство немецкого народа сознают, сколь безмерным было страдание, причиненное евреям в Германии и оккупированных странах в период господства национал-социализма. ...Именем немецкого народа были совершены неопишуемые преступления, требующие морального и материального возмещения — как в отношении индивидуального ущерба, нанесенного евреям, так и в отношении имущества евреев, у которого в настоящее время не осталось владельцев или наследников».

В конце речи канцлера все депутаты Бундестага почтили память жертв Катастрофы минутой молчания. Выступление Аденауэра в Бундестаге сделало возможным его встречу с президентом Всемирного еврейского конгресса Нахумом Гольдманом, на которой 6 декабря того же года канцлер передал официальное приглашение представителям Claims Conference и правительства Израиля на переговоры о выплате ФРГ компенсаций. Получив это приглашение, Бен-Гурион решил начать открытые и официальные переговоры с Германией.

Это решение стало причиной ожесточенной полемики в израильском обществе. Дискуссия достигла кульминации 7 января 1952 года, когда вопрос об отношениях с Германией был поставлен на повестку дня пленарного заседания Кнессета. Это стало одним из самых бурных и тяжелых обсуждений, проходивших в израильском парламенте за все время его существования, причем одновременно с дебатами в Кнессете за его стенами проходила не менее бурная демонстрация, организованная противниками переговоров.

Следует отметить, что против переговоров с Германией выступали критики Рабочей партии как справа — Общие сионисты и движение «Херут»

(«Свобода») во главе с Менахемом Бегиним, так и слева — социалистическая Объединенная рабочая партия (МАПАМ) и коммунисты. Кроме того, против соглашения высказались и некоторые депутаты Кнессета (в основном — выходцы из стран Европы, видевшие все ужасы Катастрофы), принадлежавшие к фракциям, поддержавшим начало переговоров с Германией. Критики Бен-Гуриона — как справа, так и слева — утверждали, что «нельзя продавать национальное достоинство за чечевичную похлебку». Вот как сформулировал эту позицию Моше Альпан на митинге бойцов Сопротивления, организованном партией МАПАМ: «Никогда еще честь народа не была так осквернена, как при том постыдном деянии, которое замышляют те, кто называет себя вождями Израиля, желающие продать за чечевичную похлебку все самое дорогое в жизни нации».

Лидеры Объединенной рабочей партии видели в переговорах с Германией не только серьезную политическую, но и моральную ошибку. По их мнению, преступления нацистской Германии не могло быть прощения и искупления, а потому переговоры с боннским правительством сродни «продаже души дьяволу», как выразился депутат Моше Арам. В своем эмоциональном выступлении на митинге в Тель-Авиве 5 января 1952 года депутат от этой партии Хайка Гроссман сравнила сторонников переговоров с Германией с руководителями юденратов. Депутат Цвия Любеткин заявила, что Кнессет представляет весь народ Израиля, в том числе и миллионы жертв, погибших в годы Катастрофы. «Те, кого больше нет, — сказала Цвия Любеткин, — никогда бы не простили нацизм, и верные их памяти, мы не имеем права сделать это».

На правом фланге политического спектра также были противники нормализации отношений с Германией. Самой влиятельной из правых фракций были в те дни Общие сионисты, точку зрения которых высказал в Кнессете Элимелех Римальт. В отличие от радикально настроенных членов МАПАМ и «Херут», которые представляли сторонников переговоров людьми, продавшими душу дьяволу, Римальт говорил, что «наш спор — это не спор праведников со злодеями, верных с предателями, хороших с плохими, — мы спорим со своими братьями, которые, по нашему мнению, ошибаются и находятся в опасном заблуждении».

Источник ошибки и корень заблуждения, по словам Общих сионистов, следует искать в слишком рациональном подходе Бен-Гуриона и его сторонников к столь принципиальному вопросу. С рациональной точки зрения, утверждал

Римальт в Кнессете 7 января 1952 года, «Израиль нуждается в средствах, необходимых для укрепления государства, ставшего воплощением надежд многих поколений. Поэтому есть определенная логика в позиции тех, кто видит в деньгах, которые мы получим от немцев, «как бы возмещение, как бы справедливость, если с помощью этих денег мы укрепим свое государство. Однако, когда речь идет о преступлении, беспрецедентном по своим масштабам, необъяснимом в логических терминах, нельзя принимать решения исходя только из рациональных соображений». «Было ли логичным само преступление? Можно ли перенести его в сферу логики и рациональной дискуссии? — вопрошал Римальт и продолжал: — Так удивительно ли, что на него появляется отклик за пределами логики и здравого смысла? С каких это пор логика является определяющей силой в нашей жизни? Разве вся наша история подчас не является бунтом против обыденного здравого смысла?».

Хотя Общие сионисты и были крупнейшей фракцией в правой части политического спектра, основным центром сопротивления переговорам с Германией стало движение «Херут», развернувшее широкую пропагандистскую кампанию под лозунгом-парафразой библейского стиха о Иерусалиме: «Если забуду уничтожение евреев диаспоры от рук германского Амалека — да отсохнет моя правая рука».

Кампания сопровождалась широкомасштабными акциями протеста, кульминацией которых стал массовый митинг, проведенный «Херутом» на Сионской площади, неподалеку от здания Кнессета в день обсуждения «германского» вопроса. Это был едва ли не самый бурный митинг в Израиле той поры. Основным оратором на митинге, как и на обсуждении в Кнессете, был лидер «Херута» Менахем Бегин. Сопротивление Бегина любым переговорам с «нацистским Амалеком» было недвусмысленным и бескомпромиссным, он полагал, что «с точки зрения еврейского народа не существует немца, который не был бы нацистом, нет ни одного немца, который не был бы убийцей».

Менахем Бегин, который в целом верил в принципы компромисса, составляющие основу парламентской демократии, видел в противодействии соглашению с Германией тотальную борьбу не на жизнь, а на смерть, — борьбу, в которой необходимо победить, даже ценой отказа от принятых демократических норм. Оправдывая свои весьма далекие от демократического идеала методы ведения общественной полемики, Бегин

говорил, что это в политике все относительно, когда же речь идет о том, что свято, существует только нравственный абсолют. В своей речи на митинге он подчеркнул, что правительство, готовое вести переговоры с немцами, утрачивает свою легитимность и «перестает быть еврейским правительством». «Это будет правительство, власть которого держится на штыке и гранате немецкого производства», — добавил оратор. В подкрепление своих слов Бегин заявил, что в день, когда будет принято решение о начале переговоров с Германией, все граждане Израиля должны перестать платить налоги.

Радикальность позиции Бегина проявилась и в его речи в Кнессете, о которой он сам сказал: «Возможно, это мое последнее выступление в Кнессете. Если есть смысл в слове «мученичество», если есть содержание в выражении «умри, но не преступи» — в этом смысл и в этом содержание. Есть вещи в жизни, которые дороже самой жизни. Есть вещи в жизни, которые страшнее самой смерти. Это — одна из тех вещей, за которые мы положим жизнь, за которую мы готовы умереть».

Обращаясь к членам правительства, в особенности к его главе, Бегин говорил: «Я знаю, что на вашей стороне сила, но это не важно. Об это сопротивление вся ваша сила разобьется, как стекло о камень. За правое дело мы будем бороться до конца». В своей речи политик потребовал провести референдум по вопросу соглашения о репарациях, при этом тут же заявил, что голосование по этому вопросу в принципе невозможно, так как оно уже было проведено «в Трешлинке, в Освенциме, в Понарах — и там евреи проголосовали в смертных муках: не вступать в контакт, не вести переговоры с немцами».

После выступления Бегина более пятнадцати тысяч демонстрантов двинулись в сторону Кнессета. Его защищали пятьсот полицейских, причем примерно каждый пятый из них был ранен во время беспорядков. Демонстранты бросали камни в здание и разбивали окна. Некоторые депутаты были ранены осколками стекла. После того как Бегин назвал главу правительства Бен-Гуриона «фашистом» и «хулиганом», председательствовавший вице-спикер Йосеф Серлин объявил о прекращении заседания. Премьер-министр отдал приказ о привлечении солдат к охране Кнессета. Пожалуй, никогда угроза гражданской войны в Израиле не была столь реальной.

В статье, опубликованной в «Гаарец» 8 января 1952 года, говорилось, что «площадь перед Кнессетом и соседние с ней улицы превратились вчера на два часа в поле боя, когда тысячи демонстрантов попытались прорваться к зданию». В редакционной статье той же газеты под заголовком «Улица не будет властвовать в Израиле», подчеркивалось: «Еще не было подобного прецедента, никогда еще силой не старались запугать представителей народа. Фракция движения «Херут» попыталась с помощью управляемой ею разбушевавшейся толпы запугать народных избранников и навязать свою волю — волю всего лишь восьми депутатов Кнессета! — всему парламенту». Далее в статье утверждалось, что теперь на повестке дня стоит не вопрос о прямых переговорах с боннским правительством, а другой, один единственный вопрос: «Отступит ли правительство, Кнессет и все государство перед угрозой со стороны одной партии, способной мобилизовать несколько тысяч человек, чтобы заставить все общество пойти по ее пути, или же все эти структуры устоят перед угрозой беспорядков? Ничто — абсолютно ничто! — не может оправдать беспорядки, которым мы были свидетелями вчера на иерусалимских улицах».

В ответ на беспорядки Бен-Гурион 8 января 1952 года выступил с обращением к нации, в котором отметил: «Вчера на независимость Кнессета была поднята злодейская рука. Было заявлено, что политику нации будут определять не народные избранники, а силовое давление извне. Как глава правительства и министр обороны, я считаю своим долгом гарантировать, что мы использовали и будем использовать впредь все средства — я еще раз подчеркиваю: все средства — для того, чтобы защитить независимость Кнессета, соблюдение законности, само существование демократии, безопасность и мир в Израиле».

Голосование по вопросу переговоров с Германией состоялось в Кнессете 9 января 1952 года после трех дней бурной дискуссии. Предложение правительства о требовании репараций от Германии поддержал 61 депутат; 50 проголосовали за предложение оппозиции об отказе от переговоров, шестеро воздержались, трое отсутствовали при голосовании. Некоторые депутаты от коалиции, бывшие противниками соглашения с Германией, были вынуждены подчиниться партийной дисциплине и проголосовать вместе с большинством.

Прямые переговоры с правительством Бонна начались весной 1952 года и

велись по требованию Израиля не на территории Германии, а в городе Вассенар в Голландии. Согласно договору, подписанному в Люксембурге 18 сентября 1952 года, правительство Западной Германии обязалось выплатить израильскому правительству репарации в размере трех миллиардов марок и еще 450 миллионов марок — Claims Conference. Вплоть до 1965 года, когда между двумя странами были установлены дипломатические отношения, Израиль получил от Германии 822 миллиона долларов. Менахем Бегин стал в 1977 году премьер-министром Государства Израиль; созданная им партия и сегодня находится в Израиле у власти.

Алек Д. Эпштейн, специально для «Хадашот»

Материал подготовлен с использованием книги проф. Йехиама Вайца, выпущенной под редакцией автора Открытым университетом Израиля